

Сотник Уральского казачьего войска Кунаковсков в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов

А.М. Дубовиков

Поволжский государственный университет сервиса

Тольятти, Российская Федерация

alex@dubovikov@yandex.ru

Резюме. Офицер Уральского казачьего войска, сотник Кунаковсков – участник Ахалтекинской военной кампании 1880–1881 гг., героически погибший во время штурма главной текинской твердыни – крепости Геок-Тепе. Но и до штурма этой крепости Кунаковсков не раз отличался в ходе той кампании. Самым ярким таким примером является проведенное под покровом ночи измерение расстояния до рва у вражеской крепости и далее – до ее стен с целью определения длины будущей подземной галереи и установки порохового заряда. К сожалению, в связи с безвозвратной утерей Архива Уральского казачьего войска, уже не представляется возможным восстановить ни биографические данные этого уральского казака-офицера, ни его послужной список. Так как его фамилия очень редкая, и она не относится к числу распространенных в Уральском войске казачьих фамилий, в землях бывшего Уральского казачьего войска не удалось отыскать ни его потомков, ни потомков его родственников, ни даже однофамильцев. Все, что о нем известно, это небольшие фрагменты из статей и книг, содержащих информацию об Ахалтекинской кампании и написанных, как правило, офицерами из числа ее участников, из которых только один описал, хотя и очень кратко, уральского сотника – его внешность, характер и склонности. Остальные упоминали только лишь его деятельность, связанную с выполнением боевых задач. Но и эти сведения довольно разнообразны и противоречивы; детали тех же замеров, произведенных Кунаковсковым, у разных авторов описаны по-разному. В статье представлены сведения разных авторов о Кунаковскове, а также проведен анализ этих данных.

Ключевые слова: сотник Кунаковсков; Ахалтекинская военная кампания; взятие Геок-Тепе; уральское казачество; капитан А.Н. Маслов; подполковник А.Л. Гуляев; полковник Н.Йомудский

Для цитирования: Дубовиков А.М. Сотник Уральского казачьего войска Кунаковсков в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 годов. *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2026. Т. 16, № 1. С.30–53.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.30-53>

Sotnik of the Ural Cossack Host Kunakovskov
in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881

A.M. Dubovikov

Volga Region State University of Service

Tolyatti, Russian Federation

alexdebobikov@yandex.ru

Abstract. An officer of the Ural Cossack Host, Sotnik Kunakovskov was a participant of the Akhal-Teke military campaign of 1880–1881, who heroically died during the storming of the main Teke stronghold – the fortress of Geok Tepe. Even before the storming of this fortress, Kunakovskov distinguished himself more than once during that campaign. The most striking such example is the measurement of the distance to the ditch at the enemy fortress and further – to its walls, carried out under the cover of night, in order to determine the length of the future underground gallery and install a powder charge. Unfortunately, due to the irrevocable loss of the Archive of the Ural Cossack Host, it is no longer possible to restore either the biographical data of this Ural Cossack officer or his service record. Since his surname is very rare and does not belong to the common Cossack surnames in the Ural Host, it was not possible to find his descendants, descendants of his relatives, or even namesakes in the lands of the former Ural Cossack Host. All that is known about him are small fragments from articles and books containing information about the Akhal-Teke campaign and written, as a rule, by officers from among its participants, of whom only one described, although very briefly, the Ural Sotnik – his appearance, character, and inclinations. The others mentioned only his activities related to the performance of combat missions. But even this information is quite diverse and contradictory; the details of the same measurements made by Kunakovskov are described differently by different authors. The article presents information from various authors about Kunakovskov, as well as an analysis of these data.

Keywords: Sotnik Kunakovskov; Akhal-Teke Military Campaign; Capture of Geok Tepe; Ural Cossacks; Captain A.N. Maslov; Lieutenant Colonel A.L. Gulyaev; Colonel N. Yomudskiy

For citation: Dubovikov A.M. Sotnik of the Ural Cossack Host Kunakovskov in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2026, vol. 16, no. 1, pp. 30–53.

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2026-16-1.30-53> (In Russian)

Ахалтекинская экспедиция 1880–1881 гг. была продолжением неудачно завершившейся экспедиции 1879 г. По словам офицера А.В. Верещагина, следствием той неудачи было «страшное поколебание» престижа России (Верещагин, 1900, с. 112).

Были и другие негативные последствия – потери убитыми и ранеными, захват текинцами большого количества самого современного на тот

момент стрелкового оружия (своего текинцы либо не имели, либо имели ружья очень старого образца) и прочее.

Рассказывая о той кампании, авторы называют главную твердыню текинцев – то «Геок-тепе», то «Денгиль-тепе», но какое из двух названий следует считать правильным? Поначалу это были разные объекты, затем – один и тот же. Денгиль-Тепе – это название холма. Большинство авторов считали, что это – священное для текинцев место, где захоронен какой-то потомок пророка Мухаммеда. Но некоторые, например – полковник Сполатбог, так не считали, полагая, что территория, на которой находился холм, ранее была под властью персов, которых прогнали текинцы, а для последних это был лишь холм (Сполатбог, 1884, с. 2).

Текинцы, зная, что русские готовятся к войне, решили перенести свое главное укрепление – Геок-Тепе на более удобное место. Так новое укрепление было возведено неподалеку, вокруг холма Денгиль-тепе, однако оказалось, что не только лучше защищено, но, в отличие от прежнего, которое можно было легко отрезать от воды, на его территории имелось достаточное число колодцев. Это позволило бы выдерживать осаду, не испытывая проблем с водой. Холм оказался в северо-западной части нового укрепления, названного, как и прежде, «Геок-Тепе», отчего авторы используют оба названия – как «Геок-тепе», так и «Денгиль-тепе». Старое укрепление также сохранилось и по-русски стало называться «Старое Геок-тепе» (Гродеков, 1883, с. 150–151). Про Геок-Тепе Верещагин пишет, что его стены «глинобитные, сажени 3–4 вышиной, да почти такой же и толщины в основании» (Верещагин, 1900, с. 129–130).

Новую Ахалтекинскую кампанию возглавил М.Д. Скобелев, сменивший Н.П. Ломакина. Наряду с войсками Закаспийской области, подчиненными кавказскому ведомству, он решил перебросить с Кавказа дополнительные формирования. Также он желал использовать войска Туркестанского округа, с которыми участвовал в среднеазиатских кампаниях и в недавней Русско-турецкой войне, боевые качества которых он высоко ценил. Как писал Н.И. Гродеков, Михаил Дмитриевич «настойчиво повел дело о привлечении к участию в военных действиях Туркестанских войск», дабы те «опять имели бы случай показать себя» (Гродеков, 1883, с. 101, 102).

Весной 1879 г. путем расформирования двух сводных казачьих полков (Уральско-Оренбургских № 4 и № 5) были образованы два полка. Одним из них стал 2-й Уральский казачий полк, расквартированный в Самарканде, который возглавил полковник Петр Северьянович Хорошхин. В мае 1880 г. для следования в Петро-Александровск из состава того полка были выделены сотни № 4, 5, 6, которые возглавил подполковник Александр Лазаревич Гуляев (как и командир полка – «природный» уральский казак) (Гуляев, 1882, с. 3).

Проходя через земли Бухарского эмирата, не так давно ставшего русским протекторатом, казачий дивизион Гуляева повсюду встречал теплый прием (Гуляев, 1882, с. 5–8). Далее путь проходил через бывшие владения

хивинского хана, семью годами ранее также покоренного русскими, хотя хивинцы, в отличие от бухарцев, не казались такими же приветливыми в отношении русских.

Возле Петро-Александровска, куда прибыл дивизион Гуляева, находился Уральский поселок, названный так, потому что его жителями были ссыльные уральские казаки, отказавшиеся принять новое положение об устройстве их войска, а также их семьи. Для ссыльных они устроились неплохо; как отмечал Гуляев, у многих «заметно было в домах полное довольство» (Гуляев, 1882, с. 14).

В Петро-Александровске располагался штаб Амударьинского отдела, при этом местный гарнизон насчитывал два пехотных батальона, но значительная (или большая) часть их состава постоянно отсутствовала, находясь в командировках (Гуляев, 1882, с. 12–14). Чтобы как-то помочь местному гарнизону, из дивизиона Гуляева были выведены две сотни – 4-я и 6-я. Первую отправили в Нукус, вторую – на охрану экспедиции генерала Глуховского¹, исследующей Узбой (старое русло Амударьи) (Гуляев, 1882, с. 19). 5-я уральская сотня, объединившись с прибывшей в Петро-Александровское укрепление сотней оренбургских казаков, вошла в сводный казачий эскадрон Гуляева.

Примерно тогда же вышел приказ о создании «Туркестанского отряда», в состав которого, наряду с эскадроном Гуляева, были включены три пехотных роты, оренбургский казачий ракетный взвод и музыканты. Его начальником был назначен полковник Куропаткин, который должен был вскоре прибыть в Петро-Александровск (Гуляев, 1882, с. 21–22).

В 1882–1883 гг. в пяти номерах «Военного сборника» выходила статья об Ахалтекинской кампании, автор которой публиковался как «капитан Муравцев» (Капитан Муравцев, 1882; Капитан Муравцев, 1882а; Капитан Муравцев, 1882б; Капитан Муравцев, 1882в; Капитан Муравцев, 1883). Учитывая описанные автором события и их детали, а также то, что капитана с такой фамилией в отряде не было, можно легко догадаться, что автор – не кто иной, как адъютант Куропаткина, капитан Муромцев. В его статье указана точная численность, как всего отряда Куропаткина, так и казачьего эскадрона Гуляева, а именно: два штаб-офицера (вышеупомянутый подполковник Александр Лазаревич Гуляев² и войсковой старшина Георгий Осипович Бородин³), три обер-офицера, 17 урядников, 3 трубача,

¹ Очевидно, Гуляев имел в виду Александра Ивановича Глуховского (1838–1912), активного участника среднеазиатских кампаний; в 1879–1883 гг. – начальник экспедиции по исследованию Узбоя.

² За отличия в той кампании получил ряд наград, в том числе – золотую шапку с надписью «За храбрость» и персидский орден Льва и Солнца.

³ За участие в той кампании был награжден золотым оружием. Выше уже отмечалось, что в 1884 г. чин войскового старшины стал соответствовать упраздненному у казаков подполковнику; до этого он соответствовал армейскому майору, тогда же упраздненному в регулярных частях.

116 рядовых, а также 5 нестроевых – всего 146 уральских казаков (Капитан Муравцев, 1882, с. 161). Гуляев возглавил сводный эскадрон, Бородин – его уральскую сотню. Один из трех обер-офицеров был помощником командира, двое остальных (один из них – Кунаковсков) были командирами уральских казачьих полусотен. Общая же численность отряда составила 849 человек; кроме уральских казаков, это были оренбургские казаки, пехота и музыканты (Капитан Муравцев, 1882, с. 168).

Путь отряда Куропаткина лежал в направлении аула Бами, близ которого, согласно плану, должно было произойти соединение «туркестанцев» и «кавказцев». Из-за приближения русских аул был брошен текинцами, пожелавшими укрыться в своей главной твердыне – крепости Геок-Тепе.

Путь подопечных Куропаткина был сложным и опасным. Встреча с «кавказцами» едва не закончилась «дружественным огнем». Обнаружив вдали всадников в мохнатых черных папахах, «туркестанские» разъезды донесли Куропаткину, что обнаружили текинцев, стремящихся обойти его отряд и ударить с фланга. Полковник отправил сотню казаков с ракетными установками навстречу противнику, дабы первыми атаковать его. Тут впервые всплыла фамилия Кунаковскова, сотника Уральского казачьего войска, ринувшегося в атаку во главе сотенного авангарда. Вскоре авангард вернулся, и сотник сообщил, что это не текинцы, а «кавказцы».

Во многом эта неразбериха произошла оттого, что посланный Скобелевым для встречи Куропаткина отряд состоял из дагестанцев князя Эристова⁴, которые своей одеждой и внешним видом очень походили на текинцев. Кавказцы, по признанию Эристова, тоже сначала не признали туркестанцев, начав приготовления к атаке (Гуляев, 1882, с. 29).

Через несколько дней Туркестанский отряд предстал перед Скобелевым (Капитан Муравцев, 1882а, с. 361). Произошло это близ бывшего аула Егян-Батыр-кала, с приходом русских ставшего Самурским укреплением. Новое название Егян-Батыр-кала получил в честь ранее сформированного на Кавказе (в ходе войны с горцами) Самурского полка, роты которого также участвовали в той кампании. Бывшие укрепления («калы») и аулы, брошенные текинцами, стали опорными пунктами, которым дали новые названия: Полтавским укреплением стал бывший аул Арчман, Оренбургским – бывший Дурун, Крымским – бывшее Келете и т.п. (Гродеков, 1883, с. 136).

На всем пути следования русский отряд постоянно подвергался набегам текинцев, у которых были превосходными не только лошади, но и сабли из дамасской стали, хотя с огнестрельным оружием были серьезные проблемы.

⁴ Очевидно, Гуляев имел в виду полковника Давида Евстафьевича Эристова (Эристави-Ксанского) (1843–1910), командира 1-го Полтавского конного полка Кубанского казачьего войска, участника Ахалтекинской кампании.

Некоторые калы близ Геок-Тепе приходилось брать штурмом, встречая при этом упорное сопротивление. Всем им тоже давали русские названия; так появились калы Ольгинская, Великопетровская и др.

Наиболее упорное сопротивление противник оказал при штурме Янги-калы. Перед штурмом рекогносцировку ее окрестностей проводили казаки Уральской и Оренбургской сотен с казаками Кавказа – тремя сотнями и одним взводом (лабинцами, полтавцами и саманцами), под руководством лично Скобелева, кроме которого участниками рекогносцировки были еще три генерала – Анненков, Петрусеви́ч и Гродеков (Терентьев, 1906, с. 150). Этот факт наглядно свидетельствует не только о важности того мероприятия, но и о доверии со стороны генералов в отношении эскадрона Гуляева, включая уральцев и их офицеров.

Вскоре после рекогносцировки последовал штурм Янги-калы. Полковник Куропаткин возглавил колонну, в которую наряду с пехотой и артиллерией вошел эскадрон Гуляева. Часть казаков, спешившись и укрывшись в канаве, прикрывала пехоту огнем. Вторая часть вела огонь, двигаясь пешим строем. Третья часть, в составе полусотни, участвовала в захвате холмов и установке на них батареи, начавшей обстрел аула. Спустя какое-то время все казаки Гуляева включились в атаку, а затем, уже верхом атаковали правый фланг «калы», стремясь окружить противника (Капитан Муравцев, 1882а, с. 363–366). «Муравцев» (капитан Муромцев) не забыл отметить Кунаковскова. Он пишет, что при «наступлении кавалерии на разрушенные постройки» уральский сотник сумел оказать ей «большое содействие» (Капитан Муравцев, 1882а, с. 367).

Конечно же, не забыл отметить своих офицеров, включая Кунаковскова, и Гуляев. Вот описанный им фрагмент штурма Янги-калы: «Взвод оренбуржцев, бывший в авангарде дивизиона, вскоре начал перестрелку с конными текинцами, и я на смену авангарда вызвал от дивизиона отборных наездников с сотниками Кунаковсковым и Смирновым. Неприятельские всадники начали постепенно отходить к кишлаку, где засела их пехота, открывшая вскоре по дивизиону сильный огонь... Сотнику Буренину приказано было отвести всех коноводов за сферу выстрелов; войсковой старшина Бородин назначен был идти с Уральской сотней в цепь, куда придана была и половина Оренбургской сотни» (Гуляев, 1882, с. 38).

Все уральские офицеры показали высокое боевое мастерство, успешно выполнив поставленную задачу и не потеряв ни одного казака (лишь один получил ранение (Капитан Муравцев, 1882а, с. 368).

Спустя трое суток (23 декабря 1880 г.) произошел очередной крупный бой, в ходе которого погибли несколько офицеров (в основном – из Кавказского отряда) и десятки нижних чинов. «Туркестанцам» осторожный Куропаткин велел начать отход, но подоспевший Скобелев увлек их в контрнаступление своим личным примером, после чего русские заняли прежние позиции. Дивизион Гуляева в том бою потерь не понес (Гуляев, 1882, с. 43–45). К сожалению, тогда из ворот Геок-Тепе неожиданно вырвался конный

отряд, в бою с которым погибли около 70 человек, включая двух офицеров и генерала Петрусевича (Капитан Муравцев, 1882а, с. 374–376).

Сразу после этого началась непосредственная осада Геок-Тепе; активно приступив к осадным работам, русские рыли окопы, строили редуты, а в самом начале января приступили к рытью «мины» (так раньше называли подземные траншеи для закладки пороховых зарядов с целью подрыва части крепостной стены). При этом текинцы не раз совершали вылазки, порой наносившие русским серьезный урон.

В ночь на 28 декабря противник предпринял самую крупную вылазку, в которой приняли участие до 10 тысяч текинцев. Тогда погибли 86 нижних чинов и 6 офицеров, включая князей-кавказцев, подполковников Магалова и Мамацева. Основную же массу погибших составили солдаты и офицеры Апшеронского батальона (а также их врач), первыми подвергшиеся атаке – 4 офицера и 74 нижних чина. Урон, нанесенный текинцами русским, на некоторое время вызвал у них падение боевого духа (Капитан Муравцев, 1882б, с. 174–181). Однако эта вылазка заставила русских сделать правильные выводы, дабы не допустить ничего подобного в дальнейшем.

Вдохновленные успехом, текинцы еще несколько раз совершали вылазки, но таких, как та, что была в ночь на 28 декабря, больше не было. Тем не менее, их итогом стала потеря русскими около ста человек убитыми и ранеными, а также одного орудия. Наиболее удачной среди последующих вылазок текинцев была третья, а самой неудачной – четвертая, как, впрочем, и пятая (последняя, 6 января 1881 г.) (Капитан Муравцев, 1882б, с. 191–192; Капитан Муравцев, 1882в, с. 298–299; Капитан Муравцев, 1883, с. 151–152).

После всех этих вылазок пространство перед крепостью было завалено трупами текинцев, начавшими разлагаться, исторгая вокруг зловоние. Тогда пришлось объявить короткое перемирие, во время которого шли переговоры с текинцами по поводу уборки трупов.

Штабс-капитан Черняк⁵, как один из тех, кто, наряду с другими офицерами-саперами (капитаном Масловым и подполковником Рутковским) руководил «минными работами» (рытьем подкопа под крепостную стену с последующей закладкой порохового заряда), упомянул Кунаковскова лишь единожды. Но при этом он был единственным автором, сообщившим об участии уральского сотника в переговорах по поводу уборки трупов в качестве одного из двух парламентариев. По этому поводу Черняк отметил, что текинцам «предложили выслать кого-либо для переговоров к траверсу, и когда было получено на это согласие, то к вышедшему Тыкмасардарю с двумя другими текинцами с нашей стороны отправился пол-

⁵ К сожалению, установить его имя и отчество не удалось. В своей первой статье (об Ахалтекинской кампании 1879 г.) он представился как «штабс-капитан Черняк», во второй своей статье (о кампании 1880–1881 гг.) – как «А. Черняк». Пока не удалось обнаружить какие-либо другие данные об этом офицере.

ковник Йомудский с сотником Кунаковским. Цель переговоров, ... предложить текинцам убрать трупы их сотоварищей» (Черняк, 1889, с. 459).

Возможно, Черняк упомянул бы Кунаковска не один раз, если бы довел свой рассказ хотя бы до взятия Геок-Тепе, в ходе которого погибли несколько офицеров, включая Кунаковска. Но саперный офицер закончил свое повествование на прогремевшем взрыве стены, удачное производство которого было главной и фактически единственной задачей саперов. В предпоследнем абзаце своей статьи он указал, что «по земле прошла чувствительная волна, в воздух грузно поднялась масса обломков стены и пыли, и минная брешь открыла войскам 15-саженной ширины вход в крепость». Небольшой последний абзац содержит хвалебные слова, как в адрес русских, которые «не остановятся перед решением поставленной задачи», так и в адрес текинцев, чье упорное сопротивление доказало, что «не в магазинном ружье, а в человеке сосредоточено главное боевое могущество» (Черняк, 1889, с. 462).

Упоминание о переговорах об уборке трупов присутствует и у других авторов, однако предоставляемая ими информация порой имеет существенные различия. Так, бывший гардемарин Майер назвал полковника Йомудского «подполковником», притом «Гомудским», занимавшим в отряде Скобелева всего лишь должность переводчика: «Подполковник Гомудский, главный переводчик штаба, вышел из траншеи и вступил в беседу с двумя старшинами» (Майер, 1886, с. 225). Однако уже через пару страниц Майер назвал «Гомудского» полковником: «Наш переводчик, полковник Гомудский, разговаривавший со старшинами, медленно возвращался к своим траншеям» (Майер, 1886, с. 227).

Назвал Йомудского подполковником и Терентьев, также слегка исказив при этом его фамилию («подполковнику Юмудскому, командированному в Охотничью для выслушивания разговоров в крепости, приказано было прокричать текинцам, чтобы они прекратили огонь») (Терентьев, 1906, с. 183). Речь о «выслушивании разговоров» тут не случайна; этим Терентьев хотел показать свободное владение Йомудского языком туркмен (текинцев), являвшихся его соплеменниками. Далее Терентьев зачем-то утверждает, что «Скобелев выслал ... офицеров с переводчиками для переговоров» (Терентьев, 1906, с. 184).

Фамилия Йомудского однозначно указывает на его этническую принадлежность. Йомуды – одно из наиболее крупных туркменских племен. В ту пору нередко офицерам, имевшим инородческое происхождение, давали фамилии, или прибавки к фамилиям, указывающие на него. Например, прапорщик Алиханов-Аварский⁶, прапорщик Абадзиев⁷ (ординарец Скобе-

⁶ В 1875 г. майор Алиханов-Аварский был разжалован в рядовые; рядовым принял участие в Ахалтекинской экспедиции 1879 г.; в 1880–1881 гг. был в чине прапорщика.

⁷ То есть представитель северокавказского племени абадзехов.

лева (Щербак, 1900, с. 148)) и т.д. Неслучайно другой участник той кампании, полковник К.К. Гейнс, в своей книге, посвященной Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., привел следующие строки о Йомудском: «Майор Йомудский, служащий в 12-м Белгородском уланском полку, был приглашен в эту экспедицию, как йомуд родом, знакомый с обычаями и языком народа, и как имеющий влияние на своих соотечичей» (Гейнс, 1882, с. 59).

Гейнс, еще больше, чем прочие авторы, понизил Йомудского в чине, назвав майором, хотя и правильно указал фамилию: «Майор Йомудский, получив приказание вступить в переговоры с текинцами относительно уборки тел, из траншеи стал выкликать текинцев с предложением прекратить огонь и выслать людей для переговоров» (Гейнс, 1882, с. 58). Между тем, биография Йомудского хорошо известна⁸.

И ни у кого из упомянутых выше авторов нет ни слова о втором офицере-парламентере. Напротив, анонимный автор, представившийся как «В.Н.Г.», определив число русских парламентаров тремя человеками, не назвал при этом ни одной фамилии: «С обеих сторон вышло по три депутата: они уселись по-восточному на нейтральной почве и завязали переговоры. Последние не привели ни к чему: текинцы отвечали отказом на предложения и о сдаче аула, и об уборке тел» (В.Н.Г., 1888, с. 417). Маслов, упоминая эти переговоры, так же, как и автор-аноним, называет трех человек, но, кроме Йомудского, которого, как и Терентьев, назвал Юмудским, не упомянул никаких других имен: «Для переговоров должны были выйти с обеих сторон на середину, против правого угла редута, по три человека. С нашей стороны вышел Юмудский с двумя конвойными» (Маслов, 1882, с. 105). Ранее Маслов назвал Йомудского подполковником: «В час пополудни явился на Ширванский редут подполковник Юмудский (родом туркмен)» (Маслов, 1882, с. 104). Щербак определил численность русской делегации, посланной на переговоры в несколько человек, не забыв упомянуть Йомудского, указав лишь его фамилию, но, как и Гейнс, назвав его майором: «Для переговоров с неприятелем отправился майор Йомудский, знавший хорошо их язык, так как был сам родом туркмен. Кроме его, отправилось несколько других офицеров с переводчиками» (Щербак, 1900, с. 156).

Прежде чем начать «минные работы», следовало измерить расстояние до крепостного рва и от рва до стены, включая ширину и высоту рва. Сле-

⁸ Николай (Аннамухаммед) Йомудский был самым младшим сыном, родившимся уже у престарелого отца, некоего Кията, представителя туркменской знати из племени йомудов. В 1844–1848 гг. он получал военное образование на офицерских курсах при Каменец-Подольском уланском полку, после чего 30 лет прослужил в 12-м Белгородском уланском полку, как верно указал Гейнс, а затем продолжил службу в Закаспийском округе в чине полковника. Ранее он принимал участие в Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войнах. Его сын, Николай Николаевич, вышел в отставку в 1910 г. в чине подполковника. Другой сын, Иван Николаевич, погиб в Первую мировую войну.

лать это вызвался сотник Кунаковсков. После наступления ранней декабрьской темноты, он провел разведку, совершив необходимые замеры. История с этими замерами, как и личность самого сотника, вызывает ряд вопросов.

Выполнять поставленную задачу ему пришлось не один раз. При этом каждый раз у него были помощники. Однако у авторов, описывавших этот подвиг, присутствуют расхождения. Гуляев в своей книге об Ахалтекинской кампании пишет, что Кунаковсков делал свои замеры трижды, называя его помощниками двух человек: унтер-офицера 13-го Туркестанского линейного батальона Константинова и уральского казака Тетикова (Гуляев, 1882, с. 56–57).

Гродеков, также являясь участником той кампании, сообщил, что сотник Кунаковсков подбирался к стенам Геок-Тепе дважды, не забыв упомянуть тех же двух его помощников: «Первый раз с сотником Кунаковским отправился охотником унтер-офицер 13-го Туркестанского линейного батальона Наум Константинов, а в другой раз казак Уральского войска Сафрон Тетиков» (Гродеков, 1883, с. 260).

Точно такие же данные привел и анонимный автор небольшой брошюры об Ахалтекинской экспедиции: «В эту ночь (на 5-е число) сотник Уральского войска Кунаковский, вызвался охотником измерить неприятельский ров, который только что перед тем был занят большими массами неприятеля». Далее он сообщает о повторном измерении, проведенном после завершения первого измерения: «Окончив измерение рва, офицер этот послан был с тесьмою (меркою) для точного измерения расстояния от передовых ложементов перед “Охотничьей” калою, до крепостного рва» (Осада, 1882, с. 34). Помощники сотника у автора те же, что и у Гродекова: «В первый раз с сотником Кунаковским ходил охотником унтер-офицер 13-го туркестанского линейного батальона Наум Константинов, а в другой раз – казак Уральского войска Сафрон Тетиков» (Осада, 1882, с. 34). Можно предположить, что анонимный автор позаимствовал эту информацию у Гродекова, однако его брошюра вышла годом ранее книги генерала (ее 3-го тома). Вторично Кунаковсков в его работе упоминается только в числе четырех офицеров, погибших при штурме (Осада, 1882, с. 48).

О двух произведенных замерах писал и другой участник той кампании, Константин Константинович Гейнс, в ту пору – полковник. Но его версия довольно оригинальна. Согласно ей, второй замер проводился вообще без Кунаковскова, но с участием его бывшего помощника.

Гейнс полагает, что первый замер уральский сотник Кунаковсков произвел вместе с унтер-офицером Константиновым: «В эту ночь решено было начать минную галерею; отметили место, приняли направление, оставалось узнать расстояние от крепости и измерить ров; вызвали для этого охотников: сотник Уральского казачьего войска Кунаковский и унтер-

офицер Туркестанского линейного батальона Константинов взялись исполнить желаемое и вышли из редута» (Гейнс, 1882, с. 54).

Вторичные замеры, согласно Гейнсу, производил тот же Константинов, а с ним какой-то уральский казак, имя которого полковник вообще не указал. Якобы дело в том, что в первом случае Кунаковсков измерял расстояние, считая шаги, но для более точных данных пришлось использовать тесьму. «Когда все притихло, тот же Константинов и казак Уральского войска, узнав, что необходимо иметь точный промер, вызвались вторично сделать измерение тесьмою; предприятие кончилось также счастливо», – пишет Гейнс (Гейнс, 1882, с. 54).

Та же причина повторного измерения (необходимость использовать тесьму) упоминается и у других авторов. Например, у М.А. Терентьева. Еще в перечне тем главы IX его книги имеется такой пункт: «Сотник Кунаковский измеряет дважды ров крепости» (Терентьев, 1906, с. IV). Но Терентьев считает, что первичные измерения велись не путем подсчета шагов, а путем завязывания узлов на веревке: «Готовясь к минной войне, решено было измерить расстояние от Ширванского редута до рва и самый ров. Это исполнил сотник уралец Кунаковский, вызвавшийся охотником. Закрепив конец веревки в редуте, он пробежал до рва с другим концом, завязал узел, где веревка дошла до края рва, затем спустился в ров, смерил глубину, завязал другой узел, наконец, перешел ров, вытянул веревку до стены и завязал третий узел» (Терентьев, 1906, с. 180–181).

Что касается нового измерения, то тут Терентьев, как и Гейнс, как и анонимный автор брошюры «Осада и штурм текинской крепости...», упомянул про тесьму: «Инженеры нашли, однако, что отметка узлом недостаточно точна, и надо бы измерять не от редута, а от овальной траншеи, и потому сотник отправился вторично уже с тесьмою» (Терентьев, 1906, с. 181). Нетрудно заметить, что и в первом, и во втором случае генерал не упомянул никого, кроме самого сотника Кунаковского. Кроме того, никто из авторов, кроме Гейнса, не считает, что такие измерения могли проводиться без офицера, в данном случае – без Кунаковского.

Кстати, капитан Маслов, рассказывая о производстве первого замера, тоже пишет, что он производился не путем подсчета шагов, а путем вязания узлов на веревке (Маслов, 1882, с. 102).

А вот что по этому поводу пишет «капитан Муравцев» (капитан Муромцев), ссылаясь на «Журнал военных действий Туркестанского отряда»: «На этот подвиг вызвался из Туркестанского дивизиона сотник Уральского казачьего войска Кунаковский. Пользуясь темнотою и нерешительностью неприятеля, он с тремя спутниками (уральский казак Тетеков и два стрелка 13-го Туркестанского батальона, из коих один – унтер-офицер Наум Константинов) вышел из Ширванского редута, и, несмотря на не прекращавшийся огонь с крепости, благополучно измерив расстояние, добрался до рва, четыре раза спускался в него для измерения глубины, и затем тем же путем вернулся в Ширванский редут» (Капитан Муравцев, 1883, с. 150).

О трех спутниках Кунаковскова пишет и Куропаткин: «Кунаковский, с тремя нижними чинами, измерил благополучно расстояние до рва крепости» (также полагая, что замеры производились только один раз) (Куропаткин, 1899, с. 187).

Еще более эту историю запутал и сам Кунаковсков. В беседе с капитаном Масловым, офицером-сапером (как позже вспоминал сам Маслов), сотник сказал, что делал замеры вместе со своими казаками-земляками, не уточнив при этом, сколько раз они это проделали. На вопрос: «С кем Вы ходили?», он ответил: «Да с моими же уральцами». А на вопрос об оренбуржцах он пояснил, что те не пошли, «потому что они какие-то никудашники» (Маслов, 1882, с. 102–103). Такое мнение Маслов не разделял, считая оренбуржцев тоже хорошими казаками, которые не приняли участие в замерах лишь потому, что их не пригласили (Маслов, 1882, с. 103).

Не раскрывая никаких деталей о первой вылазке, Маслов пишет, что Кунаковсков был с двумя уральскими казаками: «Плану, снятому топографом еще из первой параллели, не вполне доверяли, да и, наконец, требовалась точность, Кунаковский, узнав об этом, взялся измерить расстояние до рва, и, получив на это согласие Куропаткина, прополз туда вечером с двумя казаками и веревкой, измерил расстояние, сделав на ней заметку» (Маслов, 1882, с. 102). Видимо, капитан Маслов поверил рассказу сотника, не пытаясь уточнять детали, касающиеся его помощников.

Кроме того, Маслов отметил присущие всем казакам-уральцам, включая и самого Кунаковскова, амбиции, которыми можно объяснить приведенные выше ответы сотника. «Уральцы – народ гордый, и только себя считают настоящими казаками», – пишет капитан (Маслов, 1882, с. 103). К такому выводу он пришел, пообщавшись не только с Кунаковсковым, но и с прочими его земляками. Надо признать, что такая оценка – отнюдь не плод субъективизма Маслова; подобные заключения можно обнаружить и у других авторов – участников той кампании, в ходе которой им приходилось иметь дело с уральцами. К их числу можно отнести, например, поручика П.П. Калитина. Этот офицер одного из туркестанских батальонов отметил, что уральские казаки ценят себя выше, чем кого-либо, включая казаков других войск, что «они очень гордятся своим происхождением и считают себя умнее и выше всех на свете; в словах уральца, когда он говорит с вами, всегда проскальзывает некоторая ирония и сарказм, приправленные их природным юмором» (Калитин, 1890, с. 106).

В то время как Маслов, отмечая превосходство уральских казаков над оренбургскими, ограничивался лишь рамками эскадрона Гуляева, в котором присутствовали, как те, так и другие, Калитин смотрел шире. Поручик считал всех уральцев обладателями более высоких боевых и моральных качеств, чем оренбуржцев. «Потомки московских стрельцов и разного вольного люда, когда-то заброшенные на Урал, уральцы в течение веков, живя бок о бок с номадами, ведя с ними непрестанную войну, и, производя малые и большие степные набеги, усвоили себе их привычки и сноров-

ки, и сделались незаменимыми в степных походах», – так Калитин объяснял свою позицию (Калитин, 1890, с. 105). Иную оценку поручик дал оренбургским казакам: «Противоположность уральцам составляют оренбургцы, хотя они хорошие служаки, опытности и сноровки уральцев у них нет, большинство из них – крестьяне-пахари, давно переименованные в казаки; им негде было воспитывать в себе ту широкую самобытность, какою отличаются уральцы, и, кроме того, вся их жизнь сложилась при совершенно других условиях» (Калитин, 1890, с. 106).

Что же касается контингента участников Ахалтекинской кампании, то уральские казаки, оказавшиеся в эскадроне Гуляева, действительно, были намного опытнее своих оренбургских сослуживцев. Причиной тому была сохранявшаяся в Уральском войске «наемка» – возможность выхода на службу «охотников» вместо очередников, благодаря чему основная масса уральских казаков в отряде Гуляева была представлена именно охотниками, уже имеющими богатый боевой опыт, приобретенный в Средней Азии и на Балканах. За внеочередной выход на службу охотник получал, как денежную «подмогу», так и возможность пожить трофеями в случае успешных действий.

В остальных «старинных» казачьих войсках наемка уже была упразднена, а в «новых» войсках (включая Оренбургское) ее не было изначально. Кроме того, для многих охотников боевые походы были естественным и основным способом существования, вне которого они себя не могли представить. По этому поводу Калитин писал: «Лошади у оренбургцев значительно хуже, а люди очень молоды... Уральская сотня – красавцы на подбор, бороды окладистые, народ крупный и плечистый, все смотрят атаманами, лошади им под стать, такие же крупные и гладкие, как сами хозяева, в сотне много георгиевских кавалеров за прошлую турецкую войну» (Калитин, 1890, с. 91). Автор этих строк упомянул лошадей не зря; лошади оренбуржцев были собственностью их войска, тогда как лошади казаков уральской сотни были их собственными, благодаря чему казаки имели возможность отобрать для похода лучших.

О том же писал и Маслов, признавая превосходство уральских казаков над оренбургскими, но пока лишь в рамках подопечных подполковника Гуляева, поясняя, что «вследствие системы найма, в рядах их войска наполовину служат старые казаки, увешанные крестами, хорошо снаряженные и на добрых конях; понятно, что к оренбуржцам, где все – народ молодой, они относятся несколько свысока» (Маслов, 1882, с. 103).

По поводу измерения расстояния до крепостного рва интересные данные привел А.В. Щербак. Если верить этому военврачу, то первоначально эту задачу, по предложению Скобелева, должен был выполнить его ординарец, прапорщик Абадзиев (предположительно, с двумя осетинами). «Генерал Скобелев ... послал Абадзиева с двумя осетинами к полковнику Куропаткину еще накануне, 2-го числа, поручив Абадзиеву измерить глубину и ширину неприятельского рва», – пишет Щербак (Щербак, 1900,

с. 148). Как ни странно, Куропаткин не стал, согласно Щербак, выполнять пожелание командира отряда, поскольку ночь тогда выдалась слишком светлой, тогда как для выполнения столь опасного задания требовался покров темноты. «Благодаря светлой ночи, Куропаткин не решился отпустить Абадзиева на такое опасное предприятие и оставил его при себе, до более удобного момента», – продолжает Щербак (Щербак, 1900, с. 148). И тут, по всей видимости, нашелся «охотник» в лице Кунаковскова, однако ни его, ни капитана Гетшеля, Щербак в своей книге не упомянул.

Но вернемся к Кунаковскову. Подполковник Гуляев, непосредственный начальник сотника, пишет, что ему было поручено подготовить наградной лист для представления данного офицера к ордену Святого Георгия, так как этот орден, как награда офицерская, требовал утверждения в Петербурге: «За этот подвиг мне велено было сей час же изготовить наградный лист на Кунаковскова о награждении его орденом св. Георгия по статуту» (Гуляев, 1882, с. 56–57). Что же касается награждения Знаками Отличия Военного Ордена – наград для нижних чинов, то столичного утверждения для этого не требовалось, и оба помощника Кунаковскова – Константинов и Тетиков – получили их сразу: «Ходившие с ним охотниками 13 Турк. лин. баталиона унтер-офицер Константинов и казак Уральской сотни Сафрон Тетиков получили тут же знаки военного ордена» (Гуляев, 1882, с. 57).

Гродеков, узнав о гибели Кунаковскова при штурме текинской крепости, заметил, что уральский сотник мог получить свой «Белый Крест», если бы выжил, назвав его «заслужившим 5 января право на Георгиевский крест» (Гродеков, 1883, с. 258). То есть, согласно этому автору, сотник только имел право на представление к «Георгию», тогда как Гуляев пишет о представлении как о свершившемся факте.

Гродекову вторит и «Муравцев»: «Кунаковский, заслуживший перед тем право на Георгиевский крест измерением рва, и храбрейшие казаки – Тетеков, Жигулин и Соболев – пали героями» (Капитан Муравцев, 1883, с. 292). Правда, «Муромцев-Муравцев» здесь не совсем точен: в отличие от названных им первых трех казаков, Соболев не был убит при взятии крепости Геок-Тепе, а скончался позже от полученного ранения (Гуляев, 1882, с. 70).

Более того, Гродеков, видимо, оценил подвиг Кунаковскова скромнее, чем его земляк-подполковник. Генерал пишет, что после замеров, выполненных сотником, Скобелев распорядился провести их перепроверку, и ее заново осуществил капитан Гетшель со своими помощниками (Гродеков, 1883, с. 270–272). Возможно, по этой причине ряд авторов приписали Кунаковскому трехкратное проведение замеров (или даже увеличили до трех число его спутников).

О проведении новых замеров Гетшелем пишет и М.А. Терентьев в своем известном трехтомнике «История завоевания Средней Азии», где

значится, что Гетшель тоже проделал это дважды: «Все-таки впоследствии, в ночь на 9-е число, ... чтобы не заложить пороховую камеру мимо, то это взял на себя саперный капитан Гетшель, который также два раза прошел измеряемое расстояние» (Терентьев, 1906, с. 181). Правда, генерал Терентьев (который, кстати, участником той кампании не был) справедливо полагал, что для Гетшеля, благодаря ранее выполненным саперным работам, это предприятие представляло меньшую опасность, нежели для Кунаковского: «Впрочем, это не представляло уже особенного риска, потому что для стрельбы вниз, под самую стену, текинцы не могли пользоваться бойницами, и должны были высунуться через стену, а наши стрелки только этого и ждали» (Терентьев, 1906, с.181).

Маслов, повествуя о замерах, произведенных Гетшелем, считает, что это они были повторным измерением, а не вторичное хождение Кунаковского, чьи замеры из-за поспешности их проведения начальство удовлетворительными не сочло. «Измерения Кунаковского, хотя и дали, до известной степени, возможность проверить расстояние, но, так как он пошел без ведома сапер, и не в желательном направлении, то, когда минная галерея продвинулась вперед, явилась необходимость еще раз измерить расстояние до рва; на этот раз вызвался саперный капитан Гетшель, который два раза прошел с веревкой до края рва в направлении мины», – пишет Маслов (Маслов, 1882, с. 103–104).

Вызывают вопросы и условия, в которых Кунаковский и его спутники вели свои разведывательные действия. Одни считают, что все происходило под постоянным огнем противника. Другие полагают, что Кунаковский проделал все незаметно, а если и был обнаружен противником, то только на обратном пути. «На случай необходимости выручить сотника Кунаковского была приготовлена команда в 25 человек, готовая броситься вперед. Кроме того, отборные стрелки из Ширванского редута и Овальной траншеи зорко следили за огоньками со стены крепости, и на каждый выстрел текинцев отвечали несколькими, целясь на огонь», – пишет «Муравцев» (Капитан Муравцев, 1883, с. 150).

Все эти строки «Муравцева» буквально слово в слово повторил Гродеков. Сравним их: «На случай необходимости выручить Кунаковского Куропаткин приготовил команду в 25 человек, готовую броситься вперед. Кроме того, отборные стрелки из Ширванского редута и Овальной траншеи зорко следили за огоньками со стены крепости, и на каждый выстрел текинцев отвечали несколькими, целясь на огонь» (Гродеков, 1883, с. 259). Вторые предложения совпадают полностью. В первых предложениях расстояние очень незначительное («выручить сотника Кунаковского» и «выручить Кунаковского», «была приготовлена команда в 25 человек» и «Куропаткин приготовил команду в 25 человек», «готовая броситься вперед» и «готовую броситься вперед»).

Очевидно, один автор «позаимствовал» строки другого автора. Поскольку статья Муромцева публиковалась в номерах «Военного сборника» за 1882 – начало 1883 г., а тома книги Гродекова выходили в 1883–1884 гг., можно предположить, что материалы из статьи Муромцева Гродеков мог использовать, не приводя соответствующих ссылок. С другой стороны, так как Муромцев отметил, что в своей статье он использовал «Журнал военных действий», не исключено, что к тому же «журналу» Гродеков мог обращаться тоже.

Согласно Гейнсу, Кунаковскова и его спутника текинцы засекли не сразу, а лишь через четверть часа, после чего открыли огонь по ним, вызвав ответные залпы русских, с целью прикрытия своих. «Тихо шли они по принятому направлению, считая шаги; чутко, с некоторым трепетом за охотников прислушивались передовые стрелки; четверть часа ничто не нарушало совершенного спокойствия, но затем раздался выстрел, последовали другой, третий – они замечены, и частая пальба наша явилась охотникам, как утешительница в опасности; они вскоре возвратились, сделав свой дело», – пишет полковник Гейнс (Гейнс, 1882, с. 54).

Маслов же полагает, что текинцы смогли обнаружить Кунаковскова и его спутников только когда те уже возвращались, выполнив поставленную задачу («только на обратном пути его заметили и сделали по нем несколько выстрелов») (Маслов, 1882, с. 102).

А вот анонимный автор брошюры «Осада и штурм текинской крепости...» считает, что огонь с крепостных стен велся практически постоянно: «Работа эта была исполнена сотником Кунаковским под сильным ружейным огнем со стен крепости» (Осада, 1882, с. 34).

Возвращаясь к саперному капитану Маслову, надо отметить, что главной его заслугой следует считать не сравнение уральских и оренбургских казаков из эскадрона Гуляева, а описание сотника Кунаковскова – его внешность, его характер и темперамент, в то время как других подробностей такого рода об уральском сотнике найти не удалось.

С одной стороны, из-за утраты Архива Уральского казачьего войска в годы Гражданской войны уже невозможно восстановить биографические (включая послужные) данные многих уральских офицеров. С другой стороны, фамилия очень редкая; автор данной статьи не встречал такую, как ни в одном архивном документе, так и ни в одной книге или статье (не считая тех, в которых речь шла об Ахалтекинской экспедиции). Даже среди сегодняшних потомков уральских казаков нет ни носителей такой фамилии, ни тех, кто считал бы себя потомками того сотника или его родственников.

Может быть, он был не «природным уральцем», а иногородним офицером, принятым в казаки? Но в этом можно усомниться, прочтя строки

Маслова, где он показан в качестве типичного казака-уральца, со всеми присущими его землякам качествами, нравами и занятиями.

Нет ничего странного в том, что все авторы, кроме Гуляева, ошибочно называют сотника «Кунаковским», а не Кунаковским. Бывший уральский казачий офицер, белоэмигрант Л.Л. Масянов в своей книге, вышедшей в 1963 г. в Нью-Йорке (на момент выхода которой ему было 69 лет), прояснил ситуацию с фамилиями уральских казаков. Несмотря на присутствующие в книге неточности, что вполне естественно, учитывая время ее создания и дефицит источников, есть все основания согласиться со следующими словами автора: «У уральцев все фамилии оканчивались на буквы – -ов, -ев и -ин; никаких -ич, -ский и прочее не было. Поэтому, когда они принимали кого-нибудь в казаки за боевые отличия или за заслуги перед Войском, то меняли фамилии на свой лад» (Масянов, 1963, с. 16).

Масянов также рассказал, что даже в годы Гражданской войны уральцы не отошли от своего принципа. Служивший в Уральском войске иногородний полковник Моторный после принятия в казаки стал «Моторновым» (Масянов, 1963, с. 132). Казаки приняли в свои ряды даже двух евреев – Пейроса и Гурфейна, которые искренне желали бороться с большевиками, и стали, соответственно – Пейросовым и Гурфейновым (Масянов, 1963, с. 122).

Конечно, такие тонкости были не ведомы иногородним офицерам, но хорошо известны Гуляеву, который всегда называл подчиненного ему сотника правильно – Кунаковсков.

Но вернемся к саперному офицеру Маслову. Свой рассказ о Кунаковскове он начал так: «В овальной траншее, когда ее занимала уральская сотня, я познакомился, между прочим, с сотником Кунаковским» (Маслов, 1882, с. 101–102). «Знакомство» не было случайным. Замеры производились именно от «овальной траншеи», а саперными работами руководил Яков Константинович Рутковский, чьим ближайшим помощником и был капитан Маслов. Без ведома этих офицеров не могло пройти ничего, что было бы связано с подготовкой к подрыву части стены.

Далее следовало описание уральского офицера. Как водится, свое описание Маслов начал с внешнего облика сотника: «Это был молодой человек среднего роста, плотный, с окладистой бородой». Далее Маслов попытался оценить и внутренние качества своего нового знакомого: «Как природный уралец, он имел тот оттенок казачьего офицера, который приходится встречать по станицам». В чем же Маслов углядел тот особый «оттенок»? В свободное от ратных дел время, сотник часто собирал вокруг себя подчиненных, увлеченно «толкую о рыбной ловле, об охоте, или рассказывая сказки о разбойниках и атаманах», то есть предметом их разговоров были темы, традиционные для уральского казачества. Не зря же Маслов назвал Кунаковскова «природным уральцем».

Отметил Маслов и всегда сопутствовавшие сотнику чувства бодрости и оптимизма, сообщив, что тот был «всегда веселый», не забыв, однако, добавить, что сотник также был «почти всегда слегка подшофе». По словам Маслова, Кунаковсков, выполнив порченное ему дело (измерив заданное расстояние), не отказался от своей слабости: «Вернувшись благополучно, Кунаковский был очень доволен и слегка выпил» (Маслов, 1882, с. 102).

Но при всем при том Кунаковсков мог быть для своих подчиненных не только веселым собеседником, забывшим о субординации, и даже любителем «горячительного», но и строгим командиром, если того требовала ситуация. Этот факт также был засвидетельствован Масловым: «С своими казаками он общался то по-начальнически, то как товарищ» (Маслов, 1882, с. 102).

Также очень интересен рассказ Маслова о том, как вдохновленный успехом, Кунаковсков, благополучно вернувшись с задания и «слегка выпив», не желая останавливаться на достигнутом, порывался уговорить Куропаткина дать ему возможность провести разведку в самой крепости, проникнув туда под покровом ночи: «Кунаковский, между тем, так разохотился ходить к текинцам, что целый вечер приставал к Куропаткину с просьбою, чтобы тот ему разрешил перелезть через стену, и осмотреть внутренность укрепления, на что, впрочем, согласия не получил» (Маслов, 1882, с. 103).

Впрочем, острая потребность в такой разведке отпала благодаря тому, что той же ночью в лагерь проник бежавший из крепости перс-невольник, сообщивший подробные данные о внутреннем устройстве крепости, в том числе о расположении объектов, интересующих русских (Маслов, 1882, с. 103). Возможно, сотник делал замеры, как полагают некоторые, лишь один раз, но из-за настойчивых просьб могло возникнуть мнение, что свою боевую задачу он выполнял дважды. Во всяком случае, у Маслова не было причин для обмана, и попытки Кунаковского добиться у своего начальника сходить в разведку, действительно, имели место.

На основе вариантов разных авторов относительно количества заморов, сделанных Кунаковсковым, а также количества и персонального состава его помощников, составлена следующая таблица:

Таблица 1. Замеры, сделанные сотником Кунаковским и его помощниками (без повторных замеров капитана Гетшеля)**Table 1.** Measurements Conducted by Sotnik Kunakovskov and his Assistants (Excluding Captain Getschel's Repeated Surveys)

Автор	Сколько замеров	Кто делал замеры		
		1-й раз	2-й раз	3-й раз
Гуляев	3	Кунаковсков, Константинов, Тетиков		
Гродеков	2	Кунаковсков и Константинов	Кунаковсков и Тетиков	—
Анонимный автор	2	Кунаковсков и Константинов	Кунаковсков и Тетиков	—
Гейнс	2	Кунаковсков и Константинов	Константинов и уральский казак	—
Терентьев	2	Кунаковсков		—
«Муравцев» (Муромцев)	1	Кунаковсков, Константинов, Тетиков и еще какой-то казак	—	—
Куропаткин	1	Кунаковсков и 3 нижних чина	—	—
Кунаковсков	не указал	Кунаковсков и несколько уральских казаков		
Маслов	не указал	Кунаковсков и двое уральских казаков		

Накануне штурма Геок-Тепе русские захватили несколько окружавших его кал, которые называли Туркестанской, Главной и Охотничьей, потеряв при этом 15 человек (в том числе одного офицера). Уральцы также участвовали во взятии кал, но погибших среди них не было (Капитан Муравцев, 1882б, с. 183–189).

Утром 12 января, когда «минные работы» были завершены окончательно, кусок стены в юго-восточной части крепости под действием взрыва поднялся в воздух, и начался штурм крепости. Он проводился силами трех заранее подготовленных колонн.

Кроме того, еще один пролом должна была сделать артиллерия, для чего у одного из самых слабых мест стены было сосредоточено большое количество орудий разного класса, и с этой задачей артиллеристы успешно справились. Более того, интенсивность артобстрела была настолько высока, что осколки снарядов, отлетая от стены, даже достигали отдаленных окопов, в которых находилась готовящаяся к атаке русская пехота, включая спешенных казаков.

В числе пострадавших от такого огня оказался даже Кунаковсков. «За полчаса до взрыва мины, пальба дошла до высшей степени, причем иногда наши же осколки гранат летели в занимаемые нами головные траншеи.

Так один осколок, впрочем, на излете, попал в ногу сотнику Кунаковскову, но этот храбрый офицер не пожелал идти на перевязочный пункт», – пишет Гуляев (Гуляев, 1882, с. 64).

Мощнейший подземный взрыв на некоторое время ошеломил текинцев, не ожидавших такой развязки. Однако же паники в рядах противника не произошло. Страх и растерянность продолжались у него недолго. Вскоре после падения на землю обломков стены они открыли плотный огонь по ринувшимся в пролом русским.

Уральским казакам было приказано крепость не штурмовать, а, находясь за ее пределами, вести огонь по текинцам, находящимся на стенах и в районе обвала стены, прикрывая огнем атакующую пехоту. Однако приказ не был выполнен; как только взлетел на воздух кусок стены, и его обломки упали вниз, уральцы не смогли удержаться на месте и дружно ринулись к провалу. Для некоторых из них, в том числе и для Кунаковскова, это закончилось трагически.

Командир сотни Г.О. Бородин пытался удержать своих подчиненных, но ему это не удалось, как не удалось и самому Гуляеву. «Уральская полусотня побегла к стене почти вслед за ширванцами, и опередила Туркестанские роты. Схватив лично за подол шинели урядника Ерина, и 3–4 казаков, тоже выскакивавших из траншеи и хотевших бежать за своими, я увидел, что этим делу не поможешь», – вспоминает уральский подполковник (Гуляев, 1882, с. 65).

«Неприятель, ошеломленный в первую минуту взрыва, быстро оправился, занял обвал и прилежащие к нему стены, встретил нашу колонну сперва сильным огнем, а затем вступил ... в рукопашную схватку», – пишет «Муравцев». Не забыл капитан упомянуть и уральцев. «В порыве поддержать своих, они выскочили из Ширванского редута, где должны были поддерживать атаку только огнем, и бросились вперед, имея во главе своих офицеров. Один из первых, вскочивших на обвал, сотник Кунаковский, заслуживший перед тем право на Георгиевский крест измерением рва, и храбрейшие казаки – Тетеков, Жигулин и Соболев пали героями», – продолжает он (Капитан Муравцев, 1883, с. 292).

Рвущихся в атаку уральцев подзадорили и бросившиеся к пролому солдаты, после чего удержать уральцев на месте было уже невозможно, и этот факт зафиксировал Гуляев. «Внезапный порыв на штурм командир сотни войсковой старшина Бородин объяснил тем, что вскочившие на обвал ширванцы и охотники кричали будто бы нашим казакам: “что же вы братцы-уральцы не помогаете нам?” Этих слов было достаточно, и полусотня ринулась тоже на стену крепости», – вспоминает он (Гуляев, 1882, с. 65).

Гуляев, будучи командиром этих «ослушников» и находясь уже внутри крепости, обратился к своему прямому начальнику, Куропаткину, по поводу дальнейших действий – стоит ли пытаться вернуть уральцев на исходные позиции? Ответ полковника был предсказуем: «Видел, что де-

лать – очень горячий народ... Все идет пока прекрасно, пусть они будут тут» (Гуляев, 1882, с. 66).

Гуляев был первым, кто опознал Кунаковскова в одном из погибших офицеров. Вот его слова: «На самом обвале лежали два трупа офицеров и несколько нижних чинов. Лицо одного убитого офицера было закрыто уральской фуражкой. Я снял фуражку с лица этого офицера и увидел, что убит Кунаковсков» (Гуляев, 1882, с. 66).

Позже, узнав подробности гибели земляка, Гуляев отметил, что сотник, получив пулевое ранение в грудь, еще пытался продолжать сражаться, но после того как следующая пуля поразила его в сердце, он упал замертво. «Сотник Кунаковсков убит в то время, как Уральская полусотня вскочила на обвал. Две пули в грудь, из которых одна прямо в сердце, сразили этого храброго молодого офицера», – пишет он (Гуляев, 1882, п. 48 в «Комментариях»).

В.А. Чалусов, урядник Уральского войска, написал хорошее стихотворение об Ахалтекинской кампании, ставшее казачьей песней, в которой есть такие строки [1, с. 140]:

В рядах колонн непобедимых
Уральских сотня казаков,
Имея храбрых командиров,
Пошли на приступ через ров.

В главе Кунаковсков со взводом,
Вбежавший первым на обвал,
Лихой наш сотник слыл героем,
Убит, бедняга, наповал.

После успешного завершения штурма Геок-Тепе командование имело полное право наказать уральцев за их ослушание, однако этого не последовало. После того как они внесли свою лепту во взятие крепости, заплатив за это жизнями нескольких казаков, включая офицера Кунаковскова, подобное показалось бы «черной неблагодарностью». Напротив, в их адрес прозвучало много добрых слов. Вот, к примеру, слова Куропаткина: «Зная вашу храбрость и потери до штурма, я желал побережь вас и потому назначил вас при штурме в резерв. Но вы угодили в опасность по своей охоте. Еще раз спасибо за храбрость, братцы-уральцы» (Гуляев, 1882, с. 69).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Сборник уральских казачьих песен / собрал и издал Н.Г. Мякушин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В.Н.Г. Очерк экспедиций в Ахал-теке 1879 и 1880 гг. (окончание) // Военный сборник. 1888. № 6. С. 396–426.

Верецагин А.В. Новые рассказы (1855–1895). СПб.: Тип. Э.Арнольда, 1900. 220 с.

Гейнс К.К. Очерк боевой жизни Ахалтекинского отряда. 1880–1881. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1882. 84 с.

Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881. Т. 3. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1883. 351 с.

Гуляев А.Л. Поход на Амударью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск: Тип. В.И. Жаворонкова, 1882. 88 с.

Калитин П.П. Ахал-Текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т. 28. СПб.: Тип. Тов. «Общественная польза», 1890. С. 79–112.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882. № 3. С. 159–183.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882а. № 4. С. 358–376.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882б. № 5. С. 167–192.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1882в. № 12. С. 292–299.

Капитан Муравцев. Туркестанский отряд в Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. (из журнала военных действий Туркестанского отряда в Ахал-Текинской экспедиции с ноября 1880 г. по 14-е марта 1881 г.) // Военный сборник. 1883. № 1. С. 149–158, 288–332.

Куропаткин А.Н. Завоевание Туркмении (поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.): с очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб.: Изд. В.Березовского, 1899. 224 с.

Майер А.А. Год в песках. Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 (из воспоминаний раненого). Кронштадт: Тип. «Кронштадтский вестник», 1886. 261 с.

Маслов А.Н. Завоевание Ахал-Теке. Очерки последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1882. 206 с.

Масянов Л.Л. Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1963. 160 с.

Осада и штурм текинской крепости Геок-Тепе: (с двумя планами) / Издание редакции ж-ла «Чтение для солдат». СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1882. 67 с.

Сполатбог Н.Н. Покорение Ахал-Теке (Из записок полковника Сполатбога). Тифлис: б/и., 1884. 25 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии (с картами и планами): в 3 т. Т. III. СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1906. 532 с.

Черняк А. Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1889. № 12. С. 390–462.

Щербак А.В. Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг. 2-е изд. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. 176 с.

REFERENCES

V.N.G. Sketch of Expeditions to Akhal-Teke in 1879 and 1880 (Conclusion). *Voennyi Sbornik*. 1888, no. 6, pp. 396–426. (In Russian)

Vereshchagin A.V. *New Stories (1855–1895)*. St. Petersburg: E. Arnhold Typ., 1900. 220 p. (In Russian)

Geins K.K. *Sketch of the Combat Life of the Akhal-Teke Detachment. 1880–1881*. St. Petersburg: Department of Appanages Typ., 1882. 84 p. (In Russian)

Grodekov N.I. *War in Turkmenia. Skobelev's Campaign in 1880–1881*. Vol. 3. St. Petersburg: V.S. Balashev Typ., 1883. 351 p. (In Russian)

Gulyaev A.L. *Campaign to the Amu Darya and to the Teke Oasis of the Ural Cossacks in 1880–1881*. Uralsk: V.I. Zhavoronkov Typ., 1882. 88 p. (In Russian)

Kalitin P.P. Akhal-Teke Expedition. *Russkiy Vestnik*. 1890, Vol. 28. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza Typ., 1890. Pp. 79–112. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882, no. 3, pp. 159–183. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882a, no. 4, pp. 358–376. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882b, no. 5, pp. 167–192. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1882v, no. 12, pp. 292–299. (In Russian)

Captain Muravtsev. Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition of 1880–1881 (From the Journal of Military Actions of the Turkestan Detachment in the Akhal-Teke Expedition from November 1880 to March 14, 1881). *Voennyi Sbornik*. 1883, no. 1, pp. 149–158, 288–332. (In Russian)

Kuropatkin A.N. *Conquest of Turkmenia (Campaign to Akhal-Teke in 1880–1881): With a Sketch of Military Actions in Central Asia from 1839 to 1876*. St. Petersburg: V. Berezovskiy Publ., 1899. 224 p. (In Russian)

Maier A.A. *Year in the Sands. Sketches of the Akhal-Teke Expedition 1880–1881 (From the Memoirs of a Wounded Man)*. Kronstadt: Kronshtadtskiy Vestnik Typ., 1886. 261 p. (In Russian)

Maslov A.N. *Conquest of Akhal-Teke. Sketches of the Last Expedition of Skobelev (1880–1881)*. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ., 1882. 206 p. (In Russian)

Masyanov L.L. *Fall of the Ural Cossack Host*. New York: Vseslavyanskoye Publ., 1963. 160 p. (In Russian)

Siege and Storming of the Teke Fortress Geok Tepe: (With Two Plans). St. Petersburg: Panteleev Brothers Typ., 1882. 67 p. (In Russian)

Spolatbog N.N. *Conquest of Akhal-Teke (From the Notes of Colonel Spolatbog)*. Tiflis, 1884. 25 p. (In Russian)

Terentiev M.A. *History of the Conquest of Central Asia (With Maps and Plans): In 3 Volumes*. Vol. 3. St. Petersburg: V.V. Komarov Typolit., 1906. 532 p. (In Russian)

Chernyak A. Notes on the Expedition of General Skobelev to Akhal-Teke (From the Notes of a Sapper Officer). *Voennyi Sbornik*. 1889, no. 12, pp. 390–462. (In Russian)

Shcherbak A.V. *Akhal-Teke Expedition of General Skobelev in 1880–1881*. 2nd ed. St. Petersburg: V.V. Komarov Typ., 1900. 176 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор Института туризма и социальных технологий, Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9995-8328>; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

About the author:

Alexander M. Dubovikov – Dr. Sci. (history), Professor of the Institute of Tourism and Social Technologies, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9995-8328>; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 12.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 13.02.2026

Принята к публикации / Accepted 06.03.2026